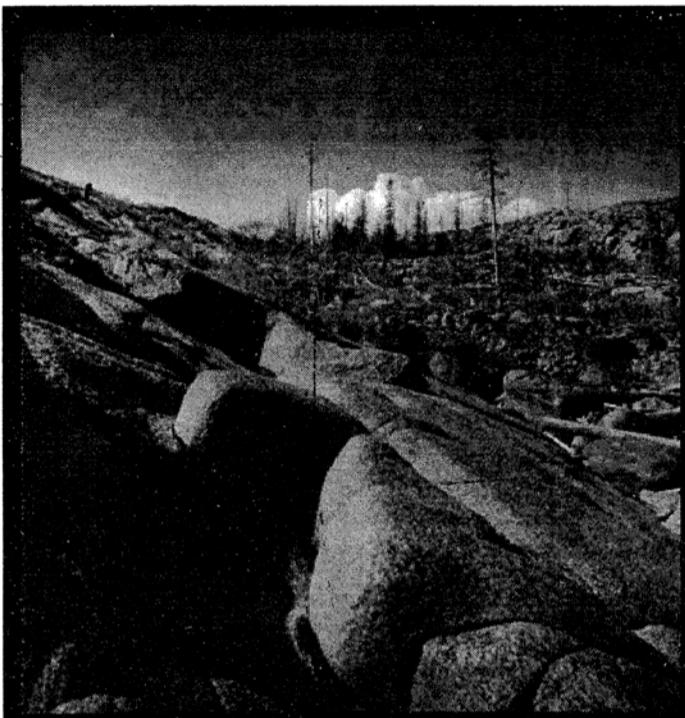

НЕНАСТУПАЮЩИЕ ВРЕМЕНА ВЛАДИМИРА КАЗАКОВА

Е. ПРИВАЛОВ, БЕЗ НАЗВАНИЯ, 1984.

Москве в 1938 году и там же умер в 1988. Писал прозу, стихи, драмы, занимался живописью, делал коллажи. Тексты печатались с 1972 года в Германии, публикации в России стали появляться в самое последнее время, в конце 1995 года в издательстве "Гиляя", наконец, вышли три книги: роман "Ошибка живых", стихотворения и драмы.

Немногочисленные литературоведческие работы (С. Бирюков, И. Шайтанов) связывают Казакова с традициями авангарда, в частности, с А. Крученых, чье имя неоднократно упоминается в текстах самого Казакова. Но в случае Казакова можно говорить не столько о следовании футуристической традиции, сколько об опоре на нее, а также на традицию обериутов. Как и у обериутов, у Казакова связь слов выступает в неожиданном ракурсе, разбивая инерцию мышления и восприятия. Непредставимость образов для внешних органов восприятия делает их более выпуклыми для внутреннего зрения. Тексты Казакова можно сравнить также с живописью импрессионистов. Но при близком взгляде отдельные детали текста не распадаются, а становятся самостоятельно существующим смыслом.

Мы попадаем в странный мир, похожий на абсурдный мир Д. Хармса. Но если у Хармса доведен до предела абсурд обыденной жизни, то у Казакова это мягкий свет мира, который незримо присутствует рядом с обыденностью. Мир, где герои разговаривают на своем языке, в котором важно не столько сказанное слово, сколько его окружение, его отражение от других слов, его многократное повторение в зеркалах. Иногда кажется, что действие перенесено в оболочку зеркала, и мы видим не людей, а их зеркальные отражения, которые разговаривают отражениями слов, отраженными словами. "Она быстро ответила ему взглядом - неподвижным из ставшего неподвижным зеркала", "Отражения гостей дышали холодным зеркальным воздухом, не откликаясь ни на имена, ни на звуки".

Фраза, построенная по законам синтаксиса, проходя сквозь зеркальную или любую другую отражательную поверхность - мокрые крыши, воду в реке, стекла окон, сверкающее мгновение - меняет свою структуру и возвращается к нам сдвинутым изображением с другим смыслом и иной интонационной окраской. Отдельные фразы настолько заключены в себе, что образуют светящийся шар, некий смысловой мир. "Что это за красный стебель, который очертаниями и голубизной напоминает висок".

Слова языка, которым пользуется Казаков, не изобретены им. Он только организует их в сверкающие конструкции-фразы. "Не фраза, а блестящая стальная конструкция. Так и хочется сломать запятую". Фраза сделана жестко и прочно, ее нельзя разобрать на составные части. Это первооснова, кирпичик, из которого строится здание его прозы. Она рассчитана на восприятие целиком. Слово заключено в каркас, контекст этой фразы, и не выделяется из него. Замена слов невозможна, ибо они сплавлены, подогнаны друг к другу без единой трещины и отшлифованы. Если слово вытащить, фраза сломается.

Диалоги строятся, исходя из внутреннего монолога персонажа или автора. С первого взгляда они кажутся бессвязными, вырванными из контекста. Реплики героев не имеют четко выраженной персонажной принадлежности, возможно, не существуют и сами герои. Они условны и схематичны, у них нет развернутых характеристик. Почти невозможно определить, где кончается фраза одного персонажа и начинается речь другого или автора. Это монолог, распределенный во времени и пространстве, где отдельные его фразы приписываются разным голосам с похожими интонациями. Иногда кажется, что Казаков разговаривает с вещами и посредством вещей. Секунды, крыши, зеркала, стены могут говорить, как и люди, "на ломаном зеркальном языке": "Острый обломок звезды".

Казакова можно открыть на середине или читать с конца - общая картина от этого не изменится. Е. Мнацаканова в предисловии к одной из книг Казакова пишет: "Читатель может считать это чтение бесконечным. Оно распределено в вечности и разделено на мгновения. И мгновения чтения этой вечности текут бесконечно - или останавливаются вместе с вами. Если хотите знать о законах, управляющих этой бесплотной формой, то один из них - закон вечных мгновений. Скажем точнее - закон вечного движения вечных мгновений."

Иногда пауза в разговоре значит больше, чем слово. Эта пунктирность выражения смысла дает возможность отбросить поясняющие слова - сразу же говорить о главном. Паузы и промежутки становятся направляющей осью в разговоре. Читающий, обычно вынужденный идти за автором, здесь попадает в ситуацию потерянной дороги. Тропинка возникает и исчезает, читающему приходится самому угадывать направление, определяя следующий шаг. Это дает возможность создавать другой объем смысла, не предусмотренный автором. Казаков лишь указывает на возможные пути, не определяя их. Логические связи не разрушаются, они меняются, создавая логику данного

текста. "Кажется, ничто не может оставаться голубым без помощи черного".

Но вместе с этим, Казаков не ставит своей задачей разрушение смысловой оболочки слов, как это делал Крученых, и создание конгломератов с новым значением, вроде "дыр бул щыл". Слова, взятые из текста, поодиночке узнаваемы и просты. Но это и не абсурд Введенского, у которого слова выключены из сознания говорящего и соединены только в его безумной речи, а следующий персонаж соединит их в другую, не менее абсурдную форму - форму своего абсурда.

Казаков дает слово самим вещам. Мы слышим речь вещей, которым нет дела до нас, они просто живут в мире, где определяющим является не течение времени, а его проявление, не роль вещей, а их выражение, не результат пути, а сам путь. "Цель этой работы - работа". Цель жизни, созданной в его книгах - сама жизнь. Для Казакова скорее меняются сами вещи, их сущности, проявления и способность взаимодействовать с миром. "Минуты вели к воде, к мостам, к чугунным перилам набережной". "Пока она показывала ему на свое имя, и пока он смотрел в эту даль, толпа... молча покачивалась на самом краю мгновения".

Открываются поразительные возможности вещного и представимого мира жить своей жизнью, и человек в ряду этих вещевых проявлений становится не над предметным миром и не вне его, а вписывается в ту же систему отношений. "Она пришла на помочь своему побледневшему отражению". "Она сказала гостю: "Войдите", и ночь, и пятиэтажный каменный угол - все медленно протиснулось вслед за ней, в виде неуверенного плеча." Казаков всем позволяет все. И человек способен взаимодействовать с зеркалом и со временем, не чувствуя своей беззащитности или превосходства, свободно проникая в их сущности, разговаривая с ними на одном языке. "Зеркало не знало, как произнести слово "не знаю", "Ах! Облокотясь на восклицательный знак - какой стеклянный звук у мгновения!".

Меняется и сам человек. Обостряются все чувства, но это состояние является обычным, ибо только в нем можно взаимодействовать с миром. "В ее тонких пальцах сверкнула секунда - о! - другая и третья". "Хозяйка не шелохнулась, давая времени успокоиться и темными волнами стекать по плечам. Казалось, она слушала не гостей, а их отражения". "Вот лицо, вот светлые волосы, льющиеся по черной поверхности зеркала. Я обращаюсь к ней, мое существование отражено стально - несколько голубее и скованнее обычного. Я не могу сделать ни одного движения без согласия мерцающей стальной поверхности, ни одной мысли".

Казаков не отождествляет слово и вещь, но и не разделяет их. Вещь становится словом, даже не столько словом, сколько действующей сущностью, а слово не довольствуется той ролью, которая отводится ему в языке - только обозначать. Вещи и понятия начинают жить. "Старинный отшлифованный подоконник легко коснулся локтя поверхности", "Колоцколькочик бежал тревожно опережая звуку - дверной", "Зеркало схватилось за сердце". Понятие становится действием. У вещей изменяется их назначение. Они не хотят служить, быть для. Слово становится гибче, не позволяя себе обидеть вещи. И если Казаков говорит о том, что "улыбка медленно остановилась на пути к зеркалам" или "каменный тяжелый угол протиснулся", то это не метафора, улыбка действительно остановилась, а угол протиснулся.

Казаков избегает клишированных сочетаний, устанавливая такие связи в обычных словах, которые могут вывести к неожиданному смыслу, иногда парадоксальному, чаще - не увиденному до него. "Ее первое слово началось с первой буквы, а та - с молчания", "То тут, то там наступало утро", "Утро могло означать все, что угодно - конец ночи, ее середину, ее отсутствие", "О временах года помнили только окна - и те забыли".

Казаков пробует сочетания слов, варьируя их в зависимости от света, падающего на слова, в зависимости от слова, падающего в тот или иной свет. Свет зеркала, свет окна, свет мокрых крыш - те светящиеся времена, в которых живет слово Казакова. Слово должно быть гладким, отполированным, чтобы его сверкающие грани могли отражать не только свет, но и повернутые к нему лица персонажей и других слов. И в таком слепящем, пронизывающем свете почти невозможно увернуться или солгать. Гладкие грани слова вызывают постоянные быстрые вспышки смысла. Весь текст Казакова состоит из таких вспышек и мгновений темноты между ними. При желании читающий может составить свою версию происходящего, у него может быть сколь угодно долгий путь в темноте до нового сверкания слова, или же, наоборот, он будет идти по сверкающим следам, дожидаясь спасительной смыслобразующей темноты.

Несмотря на загруженность вещами и новыми смыслами, тексты Казакова просторны и холодны. Возможно, это связано с отбором таких вещей и сущностей, которые удавиваются, отражают, распространяют или хотя бы не стесняют: отражающие поверхности; ветер, дующий постоянно; окна, открывавшие взгляд в соседний мир; вода, уносящая и приносящая встречи и мгновения; время, сверкающее на каждой странице.

Время зрямо присутствует в текстах, причем, очень "мелкое" время - секунды, которые могут двигаться в воздухе от одного персонажа к другому, отражаться, сверкать, действовать, заполняя все. Текст разбит на минимально возможные для прозы отрезки - фразы или предложения. Речь героев предельно кратка - это высказывания, не занимающие более 10-15 слов. Возможно, эти лаконичные предложения сродни любимому автором времени - секунде ненаступающего времени. Может быть, с этим связано и отсутствие привычных характеристик героев - имеется только их минимальная обозначенность - хозяйка, первый голос, второй гость, третий игрок. Ибо каждый персонаж находится в своем ненаступающем времени, присутствие которого обозначается и узнается через реплики - секунды. Именно их соединение дает возможность проникнуть в пространство неназываемого времени. Персонажи будто не слышат друг друга, и автор, видимо, сам не знает, соприкасаются ли как-то их времена, и какие пространственные и временные категории соединяют их. И не исчезнет ли это ненаступающее время, если собрать все реплики в одном месте и в одном времени. Такое время отвергает последовательность. Оно движется квантами, высвечивая пространство. Возможно, это время до-времени.

Тексты очень текучи. Их можно сравнивать со многими - вспышками, отражениями в зеркале, телеграфным пунктиром, шумом волн, но все эти сравнения указывают еще на одно свойство, присущее текстам Казакова - их бесконечность. Нельзя четко сказать, где кончается одна волна и начинается другая, нельзя узнать, что первично - вспышка или темнота. Они протяжены во времени и пространстве, и обрываются там, где останавливаются читающий.

"...закон вечно дляящихся и вечно исчезающих мгновений. В сущности, ни целое, ни части... этого противного посреди вечности монолога (где и многочисленные диалоги - не что иное, как замаскированный монолог), не имеют ни начала, ни завершения, как не имеют таковых времена и течение жизни" (Е. Мнацаканова).

